

55

важнейших
выступлений
в истории

РЕЧИ,

изменившие

МИР

Подарочные издания. Они изменили мир

Речи, изменившие мир

«ЭКСМО»

2014

УДК 929
ББК 63.3(0)-8

Речи, изменившие мир / «Эксмо», 2014 — (Подарочные издания.
Они изменили мир)

ISBN 978-5-699-93649-6

Могут ли слова изменить историю человечества? Безусловно, могут, если они произнесены великим человеком. Эта книга расскажет про 55 речей, изменивших мир, про обстоятельства их произнесения и прежде всего про людей, которые их произносили. Махатма Ганди, Че Гевара, Мартин Лютер Кинг, Владимир Ленин описаны на этих страницах в моменты триумфа, к которым они шли всю жизнь. С их выступлениями можно соглашаться и спорить, но выдающаяся харизма каждого из ораторов не оставляет равнодушным ни одного слушателя. Выходит в двух подарочных оформлениях. В формате PDF А4 сохранен издательский дизайн.

УДК 929
ББК 63.3(0)-8

ISBN 978-5-699-93649-6

, 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Слово о слове	7
Пророк Исаия «Слушайте, небеса, и внимай, земля...»	9
Перикл «Герой возносится на недостижимую высоту»	14
Сократ «Тем, которые осудили меня на смерть»	22
Иисус Христос Нагорная проповедь	28
Иоанн Златоуст О смысле богатства и бедности	34
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Речи, изменившие мир. От Сократа до Джобса. 55 важнейших выступлений в истории Автор-составитель В. Апанасик

*Чтобы установить мир, нужно просто быть вместе, любить друг друга
и приносить ближним мир и радость
Мать Тереза*

Оригинал-макет подготовлен издательским центром «НОУФАН»
nofunpublishing.com
valery@nofunpublishing.com
+7(903)215-68-69

Фотографии на переплете: © Reg Speller / Gettyimages.ru (Черчилль)
© Bettmann / Gettyimages.ru (Эйнштейн)

Фотографии в блоке:
AFP / FOTOLINK;
Michel Clement, Daniel Janin, Roberto Schmidt, Mark Graham, Walter Dhladhla, Jewel Samad, Ewa von Maydell / AFP / FOTOLINK;
Heinz-Jurgen Gottert / DPA / AFP / FOTOLINK;
Farabola / Leemage / AFP / FOTOLINK;
ALBIN-GUILLOT / ROGER-VIOLETTE / AFP / FOTOLINK;
RIA Nowosti / akg-images / FOTOLINK;
Album / FOTOLINK;
AP / FOTOLINK;
Ims Classic / FOTOLINK;
The Bridgeman Art Library / Fotodom.ru;
Ian Waldie / Getty Images / Fotobank.ru;
Архив РИА Новости;

Николай Петров, Александр Макаров, Алексей Бойцов, Юрий Абрамочкин, Дмитрий Донской, И. Борисенко / РИА Новости;
Mannie Garcia / AP / FOTOLINK

© ИП Сирота Э. Л. Текст и оформление, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Ваше время ограничено, поэтому не расходуйте его зря, живя чьей-то чуждой жизнью. Не попадайтесь на удочку догм – не живите результатами чужих мыслей. Не давайте шуму чужих мнений заглушить ваш собственный внутренний голос. И самое важное, имейте мужество следовать своему сердцу и интуиции
Стив Джобс

Слово о слове

*Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

Николай Гумилев «Слово»

Что такое слово? Этот, на первый взгляд, простейший вопрос до сих пор ставит в тупик ученых-лингвистов, которые так и не смогли предложить четкое и устраивающее всех определение термина «слово». Древние люди относились к слову с трепетом: они знали, что слово обладает магической силой – оно может быть произнесено как на пользу, так и во вред. В Библии сказано, что слово – это Бог. Учение о Логосе лежит в основе греческой философии и христианского богословия. Римские и греческие политики добивались власти, искусством красноречия склоняя на свою сторону народное большинство. Алхимики и каббалисты считали, что в тексте Священного Писания запечатлен образ целого мира и даже простейшая перестановка букв в словах, составляющих библейский лексикон, способна изменить порядок всего мироустройства.

Именно по этой причине ораторское мастерство, то есть искусство обращения с живым словом, испокон веков считалось привилегией избранных. Обратите внимание на речи Перикла и Сократа: они великолепно аргументированы и логически выстроены. Античные риторы (ораторы) ценили гармонию и пропорциональность, тщательно взвешивая и оттачивая каждый тезис, прежде чем вставить его в текст речи.

Древние ораторы хорошо знали, что составленная по всем законам риторики и подкрепленная красноречием оратора речь может поднять маленький народ на борьбу с огромной империей. Таковы речи пророка Исаии, чей пламенный дар позволил перед лицом внешней угрозы сохранить в неприкосновенности его страну, а в перспективе указал мировой истории тот путь развития, которым она следует до сих пор.

Ораторы Нового и Новейшего времени не только взяли на вооружение лучшие достижения своих предшественников, но и расширили возможности речи, сблизив ее с современными им реалиями.

С возникновением массового общества ораторское искусство достигло невиданных высот. Политики и народные вожди быстро осознали, что толпа представляет собой не совокупность отдельных индивидуумов, а единый организм, живущий примитивными инстинктами и эмоциями. В толпе сознания тысяч людей растворяются в едином коллективном сверхсознании, полностью подвластном тому, кто понимает и умеет применять основные законы управления массами.

В Новое время к ораторской речи стали предъявляться совершенно иные требования, чем прежде: доказательства и логическая аргументация, которыми в совершенстве владели великие ораторы древности, отступили на второй план, а их место заняли простые, но образные словесные конструкции, не требовавшие от слушателя умственных усилий для понимания, но зато буквально врезавшиеся в его память.

С этой точки зрения очень любопытно проследить, как меняется градус ораторского мастерства со времен риторики Робеспьера, как никто умевшего завладеть вниманием толпы и управлять ее мнением, до времени правления президента Барака Обамы. Чем ближе к нашим дням, тем более «зримой» становится речь, где образы занимают место прежних логических построений. Называя в своей речи Советский Союз «империей зла», президент США Рональд Рейган апеллирует к сознанию американской нации, впечатленной только что вышедшим на

экраны фильмом «Звездные войны». При этом Рейгану даже не нужно ничего доказывать, ибо образ убедительнее логических схем. Речь идет в ногу со временем, и в этом нет ничего удивительного.

В этой книге собраны образцы искусства великих ораторов разных времен. Следуя за их словом, вы увидите, как развивалось речевое мастерство от времен библейских пророков до наших дней. Само знакомство с именами авторов речей, включенных в это издание, приводит душу в благоговейный трепет: Иисус Христос, пророк Исаия, Иоанн Златоуст, Лев Толстой, Шарль де Голль, Индира Ганди, Нельсон Мандела, Эрнесто Че Гевара и еще многие другие известные всему миру имена – и перед нами разворачивается вся история человечества, история становления языка, который является важнейшим способом самовыражения любой эпохи.

Оглядываясь назад и пытаясь понять ход мировой истории, мы всегда имеем дело с текстами. Так, может быть, правы те ученые, которые утверждают, что в мире существуют одни лишь тексты? Может быть, правы те, кто считает, что человек – это тоже лишь совокупность текстов? Во всяком случае, можно с уверенностью утверждать, что текст – это то, что оказывается намного долговечнее физической оболочки человека, и с этой точки зрения слово нетленно. А значит, мы с полным правом можем говорить о бессмертии, которое способно подарить человеку слово, – о таком бесконечно щедром даре и идет речь в книге, предлагаемой вашему вниманию.

Но слово не может существовать само по себе. Слову нужен читатель. За каждой речью в этой книге стоит самобытная личность, совершенно особый характер. Иными словами, каждый из ораторов, чьи речи включены в эту книгу (некоторые даны в сокращении), имеет свой ни на чей другой не похожий стиль, ни на чей другой не похожий голос. И сейчас этот голос звучит только для вас.

Пророк Исаия «Слушайте, небеса, и внимай, земля...»

Иерусалим, VIII век до н. э.

Исаия, библейский пророк, родился в Иерусалиме приблизительно в 765 г. до н. э. Автор библейской книги Исаии. Пророчествовал на древнееврейском языке. Особый интерес вызывают его пророчества о грядущем приходе Мессии. Известно его пророчество о междоусобных войнах в Египте и судьбе израильского народа. Предрекал, что большинство евреев будут отвержены Богом, а их место займут языческие племена Египта и Ассирии. Говорил он и о восстановлении государства Израиль. Жизнь Исаии закончилась мученически.

Перестаньте делать зло; научитесь делать добро

Философ и священник Сергей Булгаков так писал об этом человеке: «Исаия представляет собой тип пламенного религиозного гения и вместе с тем трезвого, реалистического политического деятеля, который своим словом, своим влиянием имел решающее значение в судьбе Иудеи». К словам протоиерея Сергея остается лишь добавить, что пророк Исаия относится к наиболее чтимым христианами библейским пророкам, поскольку именно Исаия одним из первых предсказал приход Мессии и наступление его Царства. По этой же причине выдающиеся деятели Церкви причисляли Исаию к евангелистам.

Примерно в 740 году до н. э. двадцатипятилетнему Исаие было видение в Храме: он увидел трон, на котором восседал Господь в окружении огненных ангелов-серафимов. Бог призвал его к проповедничеству и приказал обличать грешников, живущих не по церковным законам.

Будущий пророк родился в Иерусалиме в аристократической семье, близкой к царскому двору. Это было время безраздельного господства на Ближнем Востоке великой Ассирийской державы. Некогда славное Израильское царство в это время было разделено на две части – большое Северное царство (Ефрем) и маленькое Южное (Иудея), центром которого был Иерусалим. Иудейский царь Ахаз, отказавшись вступить в заговор против ассирийцев, организованный правителями Ефрема и Сирии, навлек на себя гнев последних и был вынужден обратиться за помощью к ассирийцам, в результате чего попал в полную зависимость от них. Дошло даже до того, что Ахаз стал вводить языческие обычаи. В ответ пророк Исаия обрушился на отступников от истинного Бога с гневными проповедями.

После падения в 722 году до н. э. Северного царства Исаия ясно осознал, что следующим в списке покоренных ассирийцами государств станет Иудея. В этот период были созданы почти все его обвинительные речи, в которых Исаия прослеживал прямую зависимость между веротступничеством и падением Ефрема и призывал народ к покаянию.

В 689 году до н. э., в период правления иудейского царя Езекии, многочисленное войско ассирийцев осадило Иерусалим. Однако Исаия предсказал царю, что могущественные ассирийцы будут повержены, что на самом деле и произошло. Это еще больше укрепило статус Исаии как пророка.

Умер Исаия около 687 года до н. э. Согласно поздним апокрифам, смерть его была мученической. С большой долей вероятности можно утверждать, что на текст апокрифа повлияло желание христианской Церкви еще больше сблизить образ ветхозаветного пророка с образами мучеников-христиан.

Писания пророка Исаии, включенные в церковный канон под общим названием «Книга пророка Исаии», представляют собой довольно интересный материал для исследования. Блестящую характеристику им дал протоиерей Александр Мень: «Писания пророка Исаии отличаются высокими литературными достоинствами. Мы находим у него разнообразие жанров – от гневного обличения до торжественного славословия и притчи. Исаия был поэтом, язык которого признан классическим. Он образен, богат метафорами и сравнениями. Произведения Исаии – яркий пример сочетания гениальности писателя с воздействием Духа Божия».

Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня. Вол знает владельца своего, и осел – ясли господина своего; а Израиль не знает Меня, народ Мой не понимает. Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святаго Израилева, – повернулись назад.

«Вол знает владельца своего, и осел – ясли господина своего; а Израиль не знает Меня, народ Мой не понимает»

Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необвязанные и не смягченные елеем. Земля ваша опустошена; города ваши сожжены огнем; поля ваши в ваших глазах съедают чужие; все опустело, как после

разорения чужими. И осталась дочь Сиона, как шатер в винограднике, как шалаш в огороде, как осажденный город.

<†††>

Если бы Господь Саваоф не оставил нам небольшого остатка, то мы были бы то же, что Содом, уподобились бы Гоморре. Слушайте слово Господне, князья Содомские; внимай закону Бога нашего, народ Гоморрский! К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесождениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лице Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали двory Мои?

<†††>

«Удалите злые деяния ваши от очей Моих»

Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новомесячий и суббота, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие – и празднование! Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови.

<†††>

Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите – и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю. Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли; если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас: ибо уста Господни говорят.

<†††>

Как сделалась блудницею верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь – убийцы. Серебро твое стало изгарью, вино твое испорчено водою; князья твои – законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гоняются за мздою; не защищают сироты, и дело вдовы не доходит до них.

<†††>

«Ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову»

Посему говорит Господь, Господь Саваоф, Сильный Израилев: о, удовлетворю Я Себя над противниками Моими и отмщу врагам Моим! И обращу на тебя руку Мою и, как в щелочи, очищу с тебя примесь, и отделию от тебя все свинцовое; и опять буду поставлять тебе судей, как прежде, и советников, как вначале; тогда будут говорить о тебе: «город правды, столица верная».

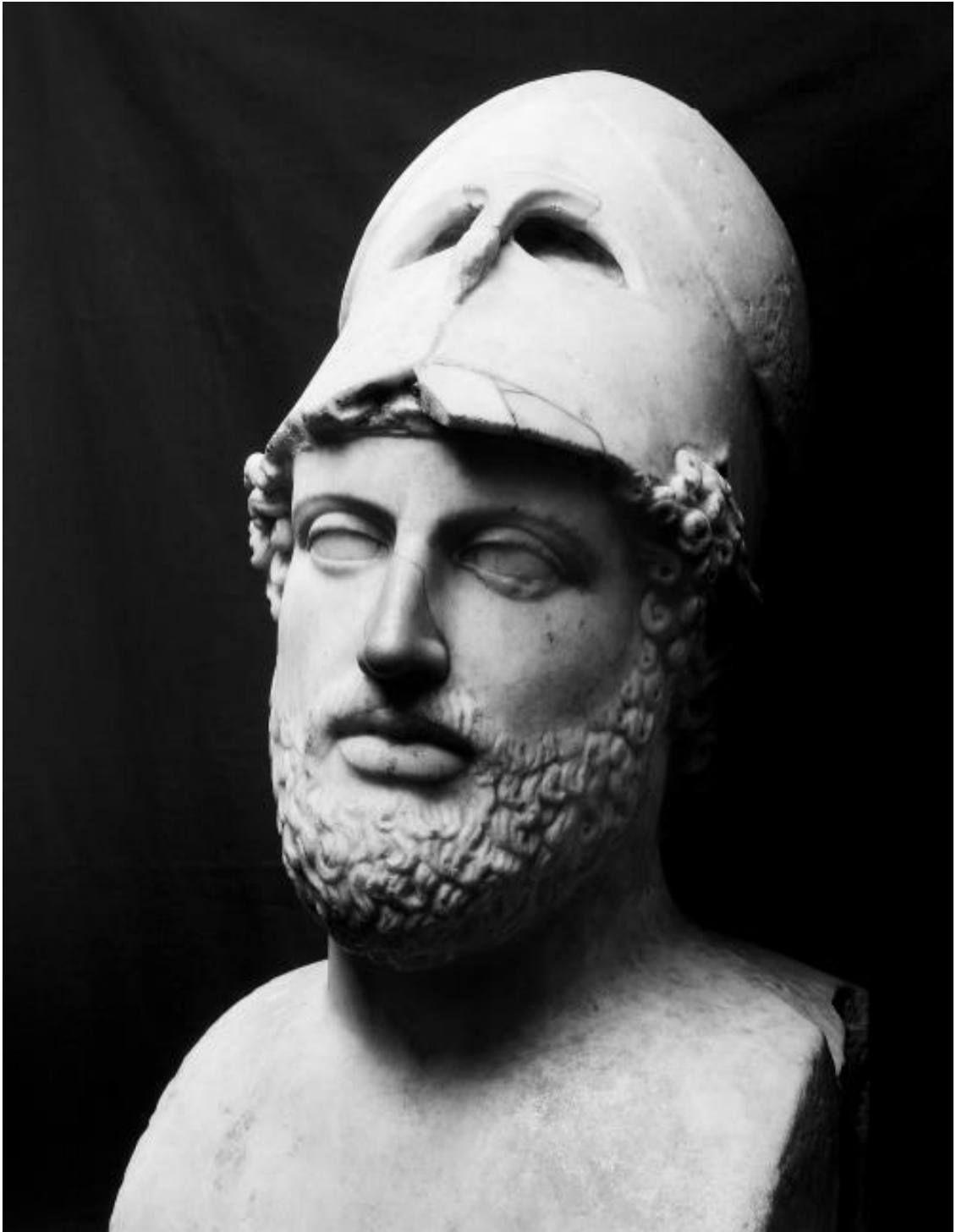

Сион спасется правосудием, и обратившиеся сыны его – правдою; всем же отступникам и грешникам погибель, и оставившие Господа истребятся. Они будут постыжены за дубравы, которые столь вожделенны для вас, и посрамлены за сады, которые вы избрали себе; ибо вы будете, как дуб, которого лист опал, и как сад, в котором нет воды. И сильный будет отрепьем, и дело его искрою; и будут гореть вместе, – и никто не потушит.

Перикл «Герой возносится на недостижимую высоту»

Афины, 430 год до н. э.

Перикл (494–429 гг. до н. э.), государственный деятель Афин, оратор и полководец. Был приверженцем демократии, хотя происходил из аристократического рода. Придя к власти, провел серию реформ по демократизации афинского полиса. Во время правления Перикла Афины были крупнейшим экономическим, политическим и культурным центром Древнего мира. Стремился расширить сферу влияния Афин и готовился к завоеванию Спарты. Погиб в начале Пелопонесской войны со Спартой от эпидемии, начавшейся в городе.

Эта держава была создана людьми, сознававшими свой долг

Слово «демократия», как и само понятие, имеет греческие корни. В античных городах-государствах важные для общества решения принимались на общем собрании, где право голоса имели все взрослые мужчины. Женщины, рабы и чужеземцы не могли участвовать в этих мероприятиях.

Колыбелью греческой демократии были Афины, где данная форма правления зародилась и достигла своего расцвета. Золотым веком афинской демократии и периодом наивысшего культурного подъема считается эпоха правления Перикла, которая пришлась на середину V века до н. э. В Афинах высшим институтом власти было Народное собрание, ему подчинялись остальные органы управления. Решения по уголовным делам принимали суды присяжных, куда

граждане избирались по жребию. Тем, кто занимал выборные должности, выплачивалась зарплата из казны – это давало возможность небогатым горожанам посвятить себя общественной деятельности. В городе велось масштабное строительство, храмы и здания украшали и расписывали лучшие скульпторы и художники современности. В этот период в Афинах блистала целая плеяда поэтов, писателей, ораторов и ученых.

Противниками афинян издавна были спартанцы. Противоречия между двумя союзами, возглавляемыми Спартой и Афинами, заключались в разнице политического устройства (в Спарте и ее городах-союзниках была олигархическая форма правления) и принадлежности к разным народностям. В 431 году до н. э. спартанцы в очередной раз вторглись в Аттику и начали разорять окрестности Афин. В ответ Перикл послал флот к берегам Пелопоннеса, где афиняне, оказавшись на вражеской территории, отомстили спартанцам.

После года войны была проведена траурная церемония в память всех афинских воинов, павших за это время. Перикл, в течение пятнадцати лет ежегодно переизбиравшийся на должность стратега – главнокомандующего войском и, по сути, являвшийся не просто самым влиятельным человеком Афин, но и ее правителем, выступил перед своими соотечественниками. Эта речь дошла до нас в пересказе Фукидида, написавшего «Историю Пелопонесской войны» по горячим следам.

Труд Фукидида дает представление о том, каким человеком был великий стратег Афин. «Для государственной деятельности Перикла считали наиболее достойным», – пишет историк. Перикл пользовался уважением за пронизательность и неподкупность. В мирное время он управлял справедливо, не ограничивая свободы граждан, когда же началась война, принимал мудрые решения.

В своей траурной речи Перикл говорит о сути демократии и ее превосходстве над другими формами правления. Восхваляя сложившиеся в Афинах общественные отношения, Перикл упоминает, что на фоне всеобщего равенства возвысить человека могут только его заслуги перед государством и особые таланты.

Основная часть речи – это панегирик Афинам, цель которого – показать, как велика заслуга тех, кто защищал знаменитый город и отдал за него жизнь. Перикл говорит о космополитизме Афин, о развитии наук и искусств, о высоком уровне образования, о самой сильной в Элладе армии, бойцы которой наводят страх на любого врага. Он предрекает согражданам, что потомки веками будут восхищаться их славным городом.

Большинство из предшествующих ораторов возносили хвалу законодателю, который ввел обычай произносить подобные речи во время траурных церемоний. Им представляется весьма достойным то, что павшим на поле брани воздаются подобные почести. Но я предпочел бы, чтобы людей, совершивших героические поступки, чествовали не словом, а делом, как на этой панихиде, свидетелями которой вы являетесь. Тогда репутация покойных не будет зависеть от красноречия или его отсутствия у того или иного оратора. Ибо трудно сказать как слишком мало, так и слишком много; и даже умеренность далеко не всегда создает впечатление достоверности. Друг покойного, вероятнее всего, подумает, что оратор знает гораздо меньше его, а человек непросвещенный, услышав о способностях покойного, превосходящих его собственные, испытает зависть и заподозрит оратора в преувеличении. Люди терпимы к похвалам в адрес других до тех пор, пока превозносимые оратором достоинства не превосходят их собственные, когда же это происходит, в душах людей вспыхивает ревность и рождается недоверие. Но поскольку обычай произносить такие речи введен нашими предками, я должен подчиниться ему и сделать все, что в моих силах, чтобы удовлетворить желания и оправдать надежды всех, кто слушает меня.

«Люди терпимы к похвалам в адрес других до тех пор, пока превозносимые оратором достоинства не превосходят их собственные, когда же это происходит, в душах людей вспыхивает ревность и рождается недоверие»

Вначале я буду говорить о наших предках, что абсолютно правильно и вполне приличествует случаю, ибо сейчас, когда мы оплакиваем погибших, следует отдать дань и их памяти. Не было такого времени, когда бы они не населяли эту землю, которая, благодаря их доблести, передавалась от поколения поколению, и мы получили от них свободное государство. Но если они достойны похвалы, в еще большей степени ее достойны наши отцы, преумножившие наследие наших предков и передавшие после множества битв нам, своим сыновьям, эту великую державу. И мы в большинстве своем находимся в расцвете сил и продолжаем труды по обогащению нашего города, в результате чего теперь он имеет все для того, чтобы жить как в условиях мира, так и в условиях войны. Я не буду говорить о воинских подвигах, которые принесли нам наши богатства, или о той энергии, с которой мы или наши отцы отбивали нападения эллинов и варваров, ибо этот рассказ долог и его содержание известно вам. Но прежде чем вознести хвалу покойным, я хотел бы поговорить о том, в результате чего мы обрели силу, а наша держава стала великой. Ибо я полагаю, что подобные мысли уместны в данном случае и что это многочисленное собрание граждан и чужеземцев могли бы выслушать их с пользой для себя.

Наша форма правления не конкурирует с властными учреждениями других стран. Наше правительство не подражает правительству наших соседей, но служит примером для них. Это правда, что мы называемся демократией, поскольку у нас власть находится в руках многих, а не нескольких человек. Но пока существуют равные права, в том числе и во время частных споров, претензия на превосходство также признается; и если гражданин чем-то выделяется среди других, ему отдается предпочтение при зачислении на государственную службу, но не в качестве привилегии, а в качестве вознаграждения за его заслуги. Бедность также не является препятствием, и человек способен принести пользу своей стране, каким бы сомнительным ни было его происхождение. В нашей общественной жизни нет места исключительности, в нашей частной жизни мы не относимся друг к другу с подозрением, не злимся на соседа, если он делает то, что ему нравится, и не бросаем на него косые взгляды, что, хотя и безвредно, не очень приятно. Поскольку мы ничем не скованы в частной жизни, наша общественная деятельность проникнута духом почтения. Мы не совершаем предосудительных поступков из уважения к властям и законам, в особенности к тем, которые защищают калек, а также к неписаным законам, которые навлекают на их нарушителя всеобщее порицание.

И мы не забывали давать отдых нашим утомленным тяжкими трудами душам. Мы регулярно проводим игры и обряды жертвоприношений, наши дома красивы и изысканны; и удовольствия, которым мы ежедневно предаемся благодаря всему этому, помогают нам разгонять печаль. В силу величия нашего города к нам поступают плоды всей земли, и мы потребляем товары других стран так же свободно, как и свои собственные.

По качеству военной подготовки мы во многих отношениях превосходим наших противников. Наш город открыт миру, и мы не изгнали ни одного иностранца и не помешали ему увидеть или узнать то, что, став достоянием врага, могло бы принести ему выгоду. Мы полагаемся не на хитрость и обман, а на свои сердца и руки. Что же касается воспитания и обучения, наши юноши с детства усердно тренируются, в результате чего становятся сильными и смелыми, и мы живем совершенно спокойно, хотя всегда готовы встретиться лицом к лицу с

опасностями. И вот доказательство: лакедемоняне¹ вторгаются на территорию Афин не одни, а в сопровождении войск целой конфедерации, мы же вступаем в соседнюю страну одни. И хотя наши противники сражаются за свои дома, а мы находимся на чужой земле, нам редко не удается взять над ними верх. Наши враги еще не испытывали на себе мощь наших объединенных сил, но если они встречают часть нашей армии и наносят ей поражение, то гордятся так, словно истребили всех нас, а когда подвергаются разгрому сами, создают видимость, будто побеждены всеми нами.

«Это правда, что мы называемся демократией, в нашей частной жизни мы не относимся друг к другу с подозрением, не злимся на соседа, если он делает то, что ему нравится, и не бросаем на него косые взгляды, что, хотя и безвредно, не очень приятно»

Если же мы предпочитаем встречать опасность с легким сердцем, но без тщательной подготовки и с мужеством, обретаемым в силу привычки, а не навязываемым законом, разве не превосходим мы в этом своих врагов?

Мы не предвкушаем боли, но когда приходит время, способны быть такими же храбрыми, как те, кто никогда не дает себе отдыха; таким образом, наш город столь же восхитителен в мирное время, как и во время войны. Ибо мы, наделенные вкусом, являемся приверженцами прекрасного, и наша сила, как нам кажется, заключена не в обсуждениях и дискуссиях, а в знании, рождающемся во время подготовки к действию. Ибо мы обладаем способностью думать, прежде чем действовать, а также способностью действовать, тогда как другие смелы от невежества, но не пытаются думать.

«Мы обладаем способностью думать, прежде чем действовать, а также способностью действовать, тогда как другие смелы от невежества, но не пытаются думать»

И поэтому мы являемся храбрейшими людьми, которые, имея ясное представление о горестях и радостях жизни, не отступают перед лицом опасности. Творя добро, мы отличаемся от других: мы заводим друзей, осыпая их благодеяниями, а не принимая благодеяния от них. Тот, кто отдает, является более надежным другом, поскольку он, в силу своей доброты, хранит память о признательности. Тот, кто получает, более холоден в своих чувствах, так как отплачивая за щедрость другому, знает, что не заслужит благодарности, поскольку всего лишь возвращает долг. Мы одни делаем добро своим соседям не из расчета, а в силу свойственного нам дружелюбия, искренности, бесстрашия и широты души. Подводя итог, я говорю: Афины являются школой Эллады, и любой афинянин способен адаптироваться к самым различным видам деятельности в высшей степени успешным образом.

Это отнюдь не пустое бахвальство, но истинная правда; и данное заявление подтверждается тем положением, которое, благодаря вышеуказанным качествам, занимает наше государство. Ибо в час испытаний Афины возвышаются над всеми остальными. Ни один враг, выступивший против нашего города, не возмущается, потерпев поражение; ни один подчиненный не жалуется, что его хозяева недостойны его. И мы наверняка не останемся без свидетелей – существуют величественные монументы нашего могущества, которые сделают из нас чудо этого и последующих веков. Нам не понадобятся хвалы Гомера или любого другого панегириста, чья поэзия может быть приятна в какой-то момент, но изложение фактов оставит желать много лучшего; ибо мы принудили все земли и моря открыть путь для нашей доблести и всюду создали вечные мемориалы нашей дружбы и вражды. Таков город, за который эти люди благородно

¹ Жители Лакедемона (Спарты).

сражались и отдали свои жизни. Для них была невыносима мысль, что они могут лишиться его. Каждый из нас, кто остался в живых, должен с радостью трудиться ради его блага.

Я подробно остановился на величии Афин только из желания продемонстрировать вам, что наша ставка в борьбе более высока, нежели у тех, кто не обладает подобными привилегиями, и чтобы привести зримое доказательство заслуг тех людей, которых мы сейчас поминаем. Уже были произнесены самые возвышенные похвалы, ибо возвеличивая город, я возвеличил тех, чьи добродетели прославили его. И как мало число эллинов, о которых можно было бы сказать, как о них, что их дела заслуживают славы! Мне представляется, что такая смерть, какая постигла их, является точной мерой достоинства человека; она может быть первым проявлением его добродетелей и в то же время – их последней печатью. Ибо даже те, кто совершил ранее какие-либо проступки, способны проявлять героизм в борьбе за родину; принесенная ими польза превышает причиненный ими ущерб. Все эти люди без колебаний отказались от жизненных удовольствий и надежд стать в будущем богатыми, столь естественных для людей, выросших в бедности. Считая, что наказание врагов слаще, чем любая из радостей жизни, и что благородство превыше всего, они вверили свои жизни судьбе, чтобы получить в качестве воздаяния почести. Они отказались от надежды на неизвестные им шансы на счастье и перед лицом смерти решили полагаться только на себя. И когда наступил решающий момент, они были твердо настроены сражаться и погибнуть, но не бежать, спасая свои жизни; они бежали от слова «бесчестье», но твердо стояли на ногах на поле боя, проявив бесстрашие и покрыв себя славой.

Такова была кончина этих людей. Они оказались достойными звания афинян, проявив беспримерный героизм, хотя, возможно, надеялись на не столь фатальный исход. Такую силу духа невозможно выразить словами. Любой может рассказать о преимуществах смелой обороны. Но вместо того чтобы слушать такого человека, я изо дня в день говорил бы вам о величии Афин, пока ваши сердца не наполнились бы любовью к этому городу; и когда вас впечатлит зрелище его славы, подумайте о том, что эта держава была создана людьми, сознававшими свой долг и обладавшими мужеством, необходимым для его выполнения, которые во время войны всегда боятся бесчестья, и которые всегда готовы принести свои жизни на жертвенный алтарь государства. За коллективную жертву каждый из них получает индивидуальное воздаяние – похвалу, которая никогда не стареет, и благороднейшую из могил – я говорю не о той, где покоятся их останки, а о той, где живет их слава, провозглашаемая при каждом подходящем случае словом и делом. Ибо целая земля служит знаменитым людям могилой. Их память увековечивается не только в колоннах и табличках с надписями в собственной стране и в других странах, где тоже существуют посвященные им мемориалы, не в виде памятников, а в сердцах людей. Пусть они станут для вас примером, и, помня о том, что мужество порождает свободу, а свобода порождает счастье, не преуменьшайте опасности войны. Несчастный человек, у которого нет надежды на перемену к лучшему, имеет меньше причин жертвовать жизнью, нежели благополучный человек, который, если выживет, не избежит перемены к худшему, и для которого любое случайное падение имеет самое серьезное значение. Для мужественного человека проявление трусости гораздо страшнее, чем неожиданная гибель, настигающая его в тот самый момент, когда он исполнен смелости и надежды.

Ввиду этого я не буду жалеть родителей павших, которые присутствуют здесь, а лучше постараюсь утешить их. Знайте, что ваши сыновья расстались с жизнью при трагических обстоятельствах и что их можно считать счастливыми, ибо они удостоились высшей чести – почетной смерти и почетной скорби с вашей стороны. Срок их счастья совпадает со сроком их жизни. Я знаю, какие тяжелые чувства вы испытываете, когда благополучие других людей напоминает вам о радости, некогда освещавшей вашу жизнь. И ваши сердца наполняет печаль из-за отсутствия этой радости, которой вы лишились. Некоторые из вас находятся в возрасте, когда еще

можно родить детей, и это могло бы облегчить вашу печаль. Благодаря этому вы не только сможете забыть о безвозвратной потере, но и принесете пользу городу. Он не обезлюдит, и жизнь в нем станет более безопасной.

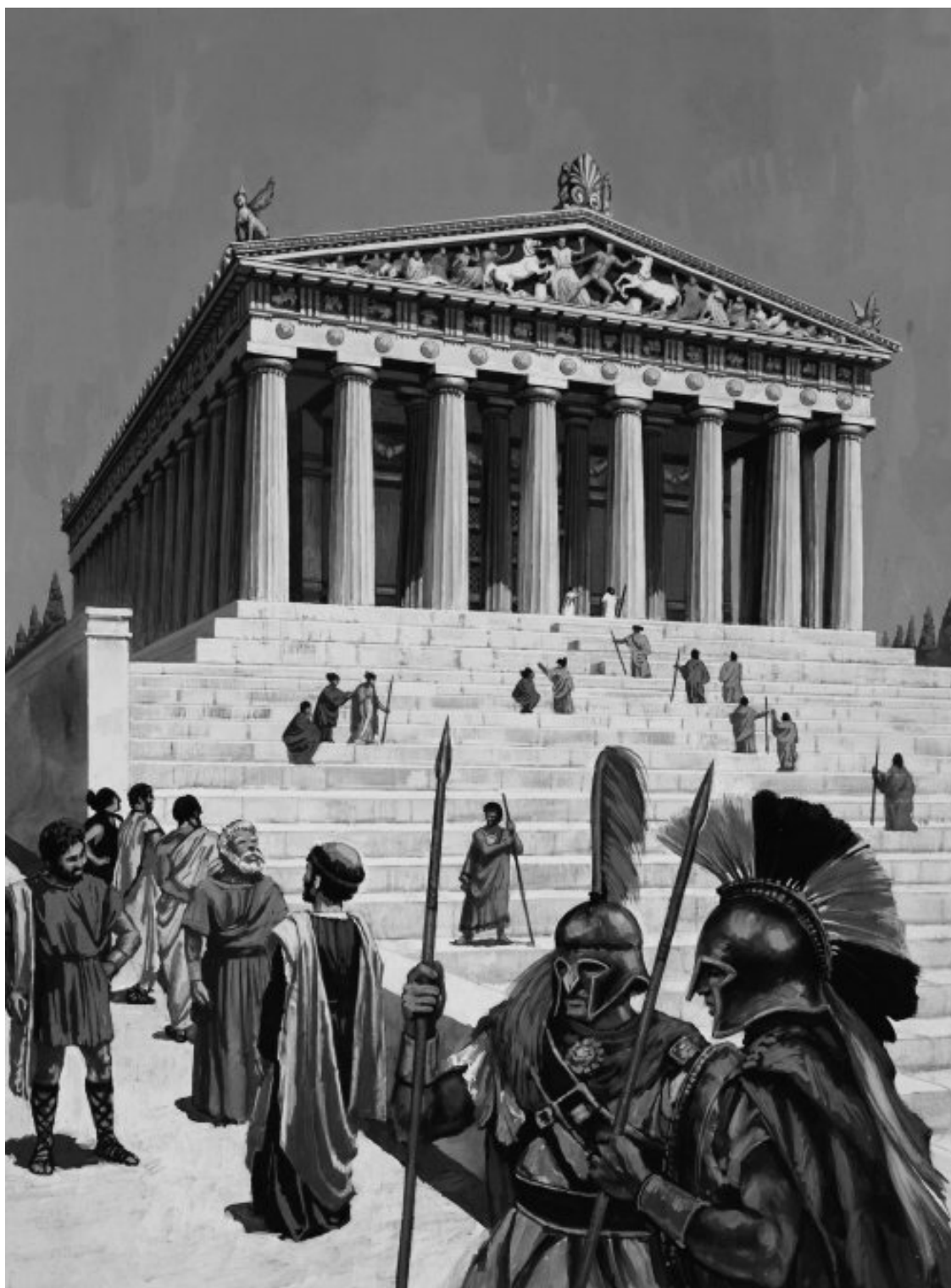
«Тот, кто отдает, является более надежным другом, поскольку он, в силу своей доброты, хранит память о признательности»

Тем, кто уже вышел из возраста, когда еще можно родить детей, я говорю: поздравьте себя с тем, что вы были счастливы большую часть своих дней, помните, что ваша жизнь в печали продлится недолго, и утешайтесь славой ваших павших сыновей. Честь – это наслаждение для людей, когда они стары и беспомощны.

«Утешайтесь славой ваших павших сыновей. Честь – это наслаждение для людей, когда они стары и беспомощны»

Для вас, сыновей и братьев павших, я вижу достойное будущее в том, чтобы вы старались подражать им. Как бы ни были высоки ваши добродетели, вы не можете сравниться с ними, поскольку, когда человек пал смертью героя, он возносится на недостижимую высоту. Вдовам героев я говорю следующее: великая добродетель для женщины заключается в том, чтобы она не проявляла большей слабости, нежели та, что свойственна ее полу, и вела себя так, чтобы о ней никогда не говорили мужчины ни хорошо, ни плохо. Я воздал должное павшим в соответствии с законом, употребляя слова, которые счел наиболее подходящими для данного случая.

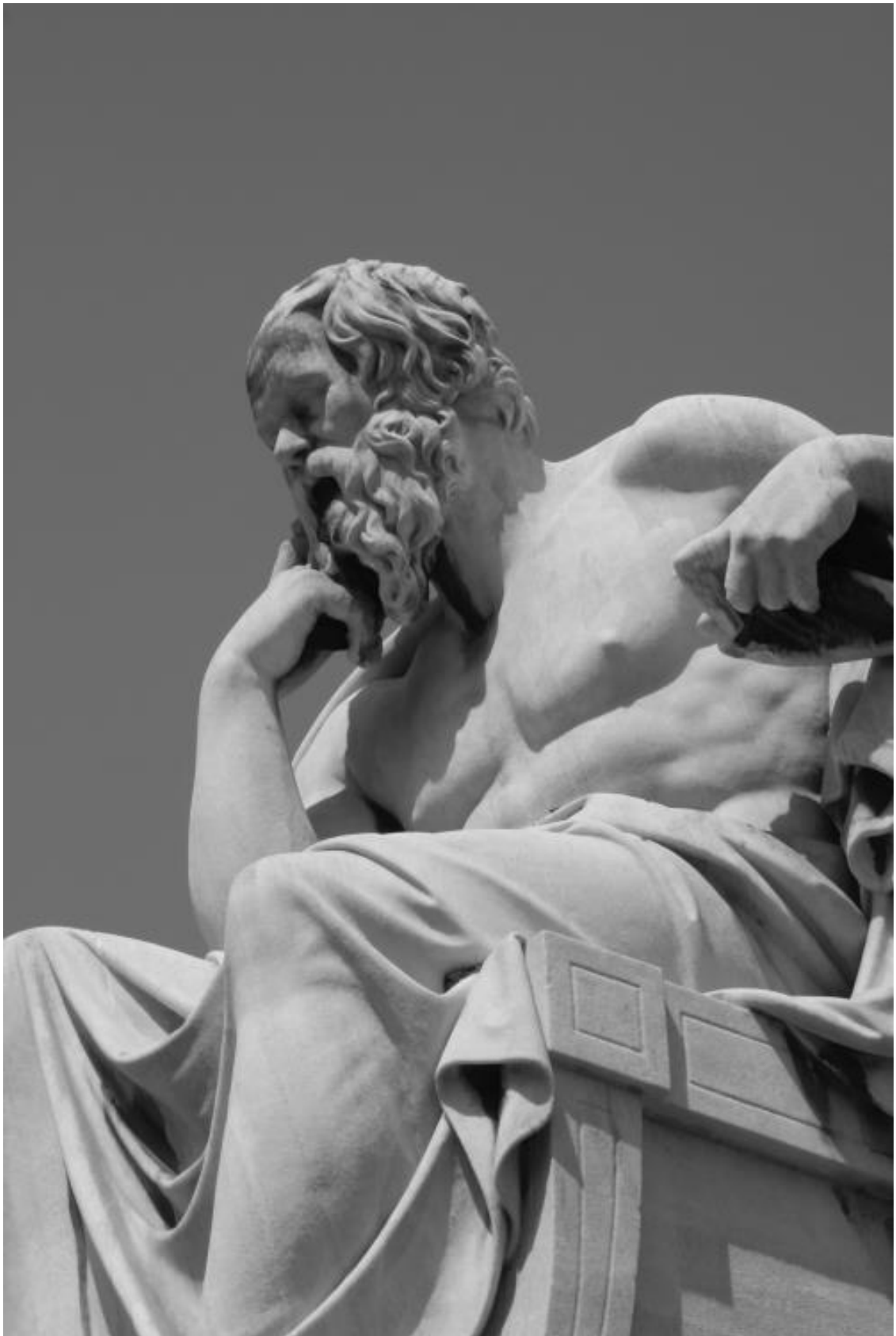
Что же касается дел, дети героев должны находиться на государственном содержании до достижения совершеннолетия. Афины заботятся о своих сыновьях, как живых, так и мертвых. Ибо там, где добродетели вознаграждаются наиболее достойно, на службу государству приходят самые благородные граждане. А теперь, после того как вы надлежащим образом оплакали своих покойных, можете расходиться.

Сократ «Тем, которые осудили меня на смерть»

Афины, 390-е годы до н. э.

Сократ (469–399 гг. до н. э.), древнегреческий философ, учение которого перевернуло античную философию. Отличался невероятной силой воли, вел чистый и здоровый образ жизни. Принимал участие в общественной жизни Афин, выступая против тирании и падения нравов. Впервые обратил философствующее мышление на самого себя, начав исследовать принципы и приемы разума.

Не следует ожидать ничего дурного от смерти

Никто не может прожить без споров. И каждому приятно победить в споре, отстояв свои убеждения. Но каждый ли готов пойти в этом до самого конца? До конца дружбы, карьеры – и даже самой жизни?..

В 469 году до н. э. во время праздника Аполлона и Артемиды в семье каменотеса и повитухи родился тот, кому суждено было стать одним из самых знаменитых философов античности, – Сократ. Мудрейший из греков всю жизнь служил своему покровителю, богу муз, искусств и гармонии, следуя надписи на дельфийском храме Аполлона: «Познай самого себя».

Философия в Древнем мире была важнейшей из наук, но не только. Это было мировоззрение, способ изучения личности человека и этических норм, инструмент познания космоса и даже самих олимпийских богов. Сократ заложил основы классической философии, последователями которой стали его ученик Платон и великий Аристотель.

Отказываясь от участия в политических баталиях, отвергая материальные блага, философ стремился объяснить собеседникам, которых никогда не называл учениками, что мерилом космических и земных дел является разум. Что познание позволяет человеку узреть истину, а узрев ее, он уже не может поступать плохо. Что зло – только от неведения, сознательно творить зло человек неспособен. Это был кардинальный поворот от натурфилософии к философии моральной.

Но погруженный в высокие сферы Сократ не желал принять во внимание то, что происходило на земле. Афины все чаще терпели поражение от внешних врагов, раздираемые внутренними противоречиями. В основе всех бед Сократ видел прежде всего нравственную порчу своих сограждан и все чаще говорил об этом на диспутах. В марте 399 г. до н. э. в афинский суд с жалобой на философа обратился некий Мелет, посредственный поэт, которого поддерживали оратор Ликон и богач Анит, утверждая, что «Сократ повинен в отрицании богов, признанных городом, повинен он и в совращении молодежи». В наказание для философа предлагалась смертная казнь.

Все обвинения Сократ отверг. В суде он выступил с речью, отрицая свое безбожие и насаждение какой-либо новой веры, говорил не как обвиняемый, а как наставник, призывающий своих сограждан ценить духовные блага выше материальных. Он считал недостойным для себя и «для чести всего города» просить суд о помиловании, хотя в те времена было принято приводить детей, родных и друзей, чтобы они слезно умоляли освободить обвиняемого от наказания. Понимая всю серьезность положения, даже под угрозой смерти Сократ не сменил линию защиты, не отказался от своих убеждений.

Отстаивая свою духовную чистоту, великий мудрец пожертвовал собой. Он защищался ради правды с искренней готовностью к смерти, свободный от страха перед ней. И проиграл уголовное дело, выиграв тем самым дело всей своей жизни. Как в древнегреческой трагедии, свой суровый финал Сократ принял достойно того бессмертия, которое обрел в веках, добровольно осушив чашу с ядом.

Сократ пошел на смерть не как фанатик-мученик, а как убежденный мудрец, сделавший свободный выбор между жизнью и смертью. Речь, произнесенная в заключение процесса, была не столько защитительной, сколько обвиняющей его судей.

Немного не захотели вы подождать, о мужи афиняне, а вот от этого пойдет о вас дурная слава между людьми, желающими хулить наш город, и они будут обвинять вас в том, что вы убили Сократа, известного мудреца. Конечно, кто пожелает вас хулить, тот будет утверждать, что я мудрец, пусть это и не так. Вот если бы вы немного подождали, тогда бы это случилось для вас само собою; подумайте о моих годах, как много уже прожито жизни и как близко смерть. Это я говорю не всем вам, а тем, которые осудили меня на смерть.

«И тогда, когда угрожала опасность, не находил я нужным делать из-за этого что-нибудь рабское»

А еще вот что хочу я сказать этим самым людям: быть может, вы думаете, о мужи, что я осужден потому, что у меня не хватило таких слов, которыми я мог бы склонить вас на свою сторону, если бы считал нужным делать и говорить все, чтобы уйти от наказания. Вовсе не так. Не хватить-то у меня, правда что, не хватило, только не слов, а дерзости и бесстыдства и желания говорить вам то, что вам всего приятнее было бы слышать, вопия и рыдая, делая и говоря, повторяю я вам, еще многое меня недостойное – все то, что вы привыкли слышать от других. Но и тогда, когда угрожала опасность, не находил я нужным делать из-за этого что-нибудь рабское, и теперь не раскаиваюсь в том, что защищался таким образом, и гораздо скорее предпочитаю умереть после такой защиты, нежели оставаться живым, защищавшись иначе.

Потому что ни на суде, ни на войне, ни мне, ни кому-либо другому не следует избегать смерти всякими способами без разбора. Потому что и в сражениях часто бывает очевидно, что от смерти-то можно иной раз уйти, или бросив оружие, или начавши умолять преследующих; много есть и других способов избежать смерти в случае какой-нибудь опасности для того, кто отважится делать и говорить все. От смерти уйти нетрудно, о мужи, а вот что гораздо труднее – уйти от нравственной порчи, потому что она идет скорее, чем смерть. И вот я, человек тихий и старый, настигнут тем, что идет тише, а мои обвинители, люди сильные и проворные, – тем, что идет проворнее, – нравственную порчей. И вот я, осужденный вами, уйду на смерть, а они, осужденные истиною, уходят на зло и неправду; и я остаюсь при своем наказании, и они – при своем. Так оно, пожалуй, и должно было случиться, и мне думается, что это правильно.

А теперь, о мои обвинители, я желаю предсказать, что будет с вами после этого. Ведь для меня уже настало то время, когда люди особенно бывают способны пророчествовать, – когда им предстоит умереть. И вот я утверждаю, о мужи, меня убившие, что тотчас за моей смертью придет на вас мщение, которое будет много тяжелее той смерти, на которую вы меня осудили. Ведь теперь, делая это, вы думали избавиться от необходимости давать отчет в своей жизни, а случится с вами, говорю я, совсем обратное: больше будет у вас обличителей – тех, которых я до сих пор сдерживал и которых вы не замечали, и они будут тем невыносимее, чем они моложе, и вы будете еще больше негодовать.

В самом деле, если вы думаете, что, убивая людей, вы удержите их от порицания вас за то, что живете неправильно, то вы заблуждаетесь. Ведь такой способ самозащиты и не вполне возможен, и не хорош, а вот вам способ и самый хороший, и самый легкий: не закрывать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше. Ну вот, предсказавши это вам, которые меня осудили, я уйду от вас.

А с теми, которые меня оправдали, я бы охотно побеседовал о самом этом происшествии, пока архонты заняты своим делом и мне нельзя еще идти туда, где я должен умереть. Побудьте пока со мною, о мужи! Ничто не мешает нам поболтать друг с другом, пока есть время. Вам, друзьям моим, я хочу показать, что, собственно, означает теперешнее происшествие. Со мною, о мужи судьбы, – вас-то я по справедливости могу называть судьями – случилось что-то удивительное. В самом деле, в течение всего прошлого времени обычный для меня вещей голос слышался мне постоянно и останавливал меня в самых неважных случаях, когда я намеревался сделать что-нибудь не так; а вот теперь, как вы сами видите, со мною случилось то, что может показаться величайшим из зол, по крайней мере так принято думать; тем не менее божественное знамение не остановило меня ни утром, когда я выходил из дому, ни в то время, когда я входил в суд, ни во время всей речи, что бы я ни хотел сказать. Ведь прежде-то, когда я что-нибудь говорил, оно нередко останавливало меня среди слова, а теперь во всем этом деле ни разу оно не удержало меня от какого-нибудь поступка, от какого-нибудь слова.

Как же мне это понимать? А вот я вам скажу: похоже, в самом деле, что все это произошло к моему благу, и быть этого не может, чтобы мы правильно понимали дело, полагая, что смерть

есть зло. Этому у меня теперь есть великое доказательство, потому что быть этого не может, чтобы не остановило меня обычное знамение, если бы то, что я намерен был сделать, не было благом.

«С человеком хорошим не бывает ничего дурного ни при жизни, ни после смерти, и боги не перестают заботиться о его делах»

А рассудим-ка еще вот как – велика ли надежда, что смерть есть благо? Умереть, говоря по правде, значит одно из двух: или перестать быть чем бы то ни было, так что умерший не испытывает никакого ощущения от чего бы то ни было, или же это есть для души какой-то переход, переселение ее отсюда в другое место, если верить тому, что об этом говорят. И если бы это было отсутствием всякого ощущения, все равно что сон, когда спят так, что даже ничего не видят во сне, то смерть была бы удивительным приобретением.

Мне думается, в самом деле, что если бы кто-нибудь должен был взять ту ночь, в которую он спал так, что даже не видел сна, сравнить эту ночь с остальными ночами и днями своей жизни и, подумавши, сказать, сколько дней и ночей прожил он в своей жизни лучше и приятнее, чем ту ночь, то, я думаю, не только всякий простой человек, но и сам великий царь нашел бы, что сосчитать такие дни и ночи сравнительно с остальными ничего не стоит. Так если смерть такова, я со своей стороны назову ее приобретением, потому что таким-то образом выходит, что вся жизнь ничем не лучше одной ночи. С другой стороны, если смерть есть как бы переселение отсюда в другое место и если правду говорят, будто бы там все умершие, то есть ли что-нибудь лучше этого, о мужи судьи?

В самом деле, если прибудешь в Аид, освободившись вот от этих так называемых судей, и найдешь там судей настоящих, тех, что, говорят, судят в Аиде, – Миноса, Радаманта, Эака, Триптолема, и всех тех полубогов, которые в своей жизни отличались справедливостью, – разве это будет плохое переселение? А чего бы не дал всякий из вас за то, чтобы быть с Орфеем, Мусеем, Гесиодом, Гомером! Что меня касается, то я желаю умирать много раз, если все это правда; для кого другого, а для меня было бы удивительно вести там беседы, если бы я встретился, например, с Паламедом и Теламоновым сыном Аяксом или еще с кем-нибудь из древних, кто умер жертвою несправедного суда, и мне думается, что сравнивать мою судьбу с их было бы не неприятно.

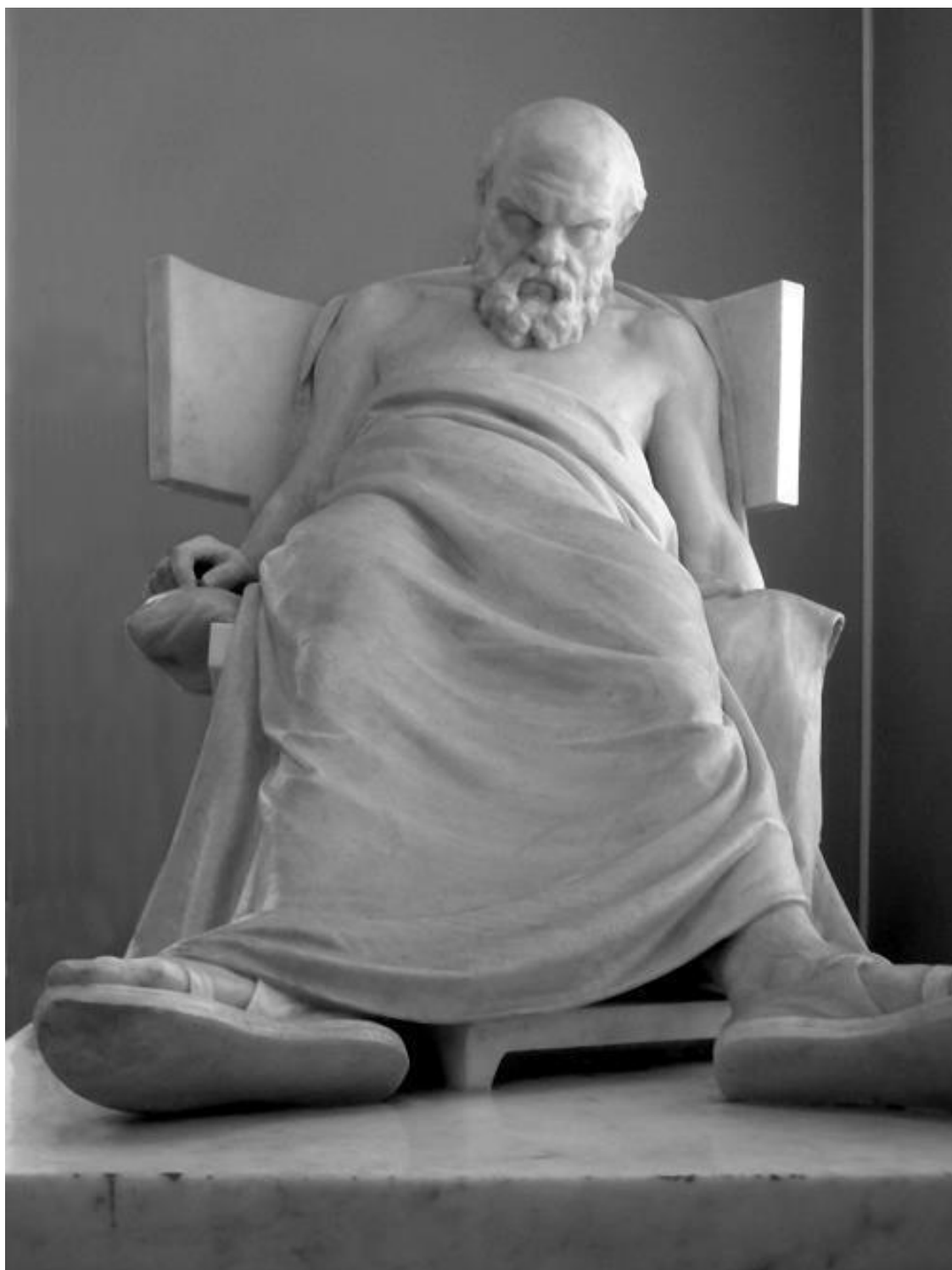
И наконец, самое главное – это проводить время в том, чтобы распознавать и разбирать тамошних людей точно так же, как здешних, а именно кто из них мудр и кто из них только думает, что мудр, а на самом деле не мудр; чего не дал бы всякий, о мужи судьи, чтобы узнать доподлинно человека, который привел великую рать под Трою, или узнать Одиссея, Сисифа и множество других мужей и жен, которых распознавать, с которыми беседовать и жить вместе было бы несказанным блаженством. Не может быть никакого сомнения, что уж там-то за это не убивают, потому что помимо всего прочего тамошние люди блаженнее здешних еще и тем, что остаются все время бессмертными, если верно то, что об этом говорят.

Но и вам, о мужи судьи, не следует ожидать ничего дурного от смерти, и уж если что принимать за верное, так это то, что с человеком хорошим не бывает ничего дурного ни при жизни, ни после смерти и что боги не перестают заботиться о его делах; тоже вот и моя судьба устроилась не сама собою, напротив, для меня очевидно, что мне лучше уж умереть и освободиться от хлопот.

«Но вот уже время идти отсюда, мне – чтобы умереть, вам – чтобы жить, а кто из нас идет на лучшее, это ни для кого не ясно, кроме бога»

Вот почему и знамение ни разу меня не удержало, и я сам не очень-то пеняю на тех, кто приговорил меня к наказанию, и на моих обвинителей. Положим, что они выносили приговор и обвиняли меня не по такому соображению, а думая мне повредить; это в них заслуживает

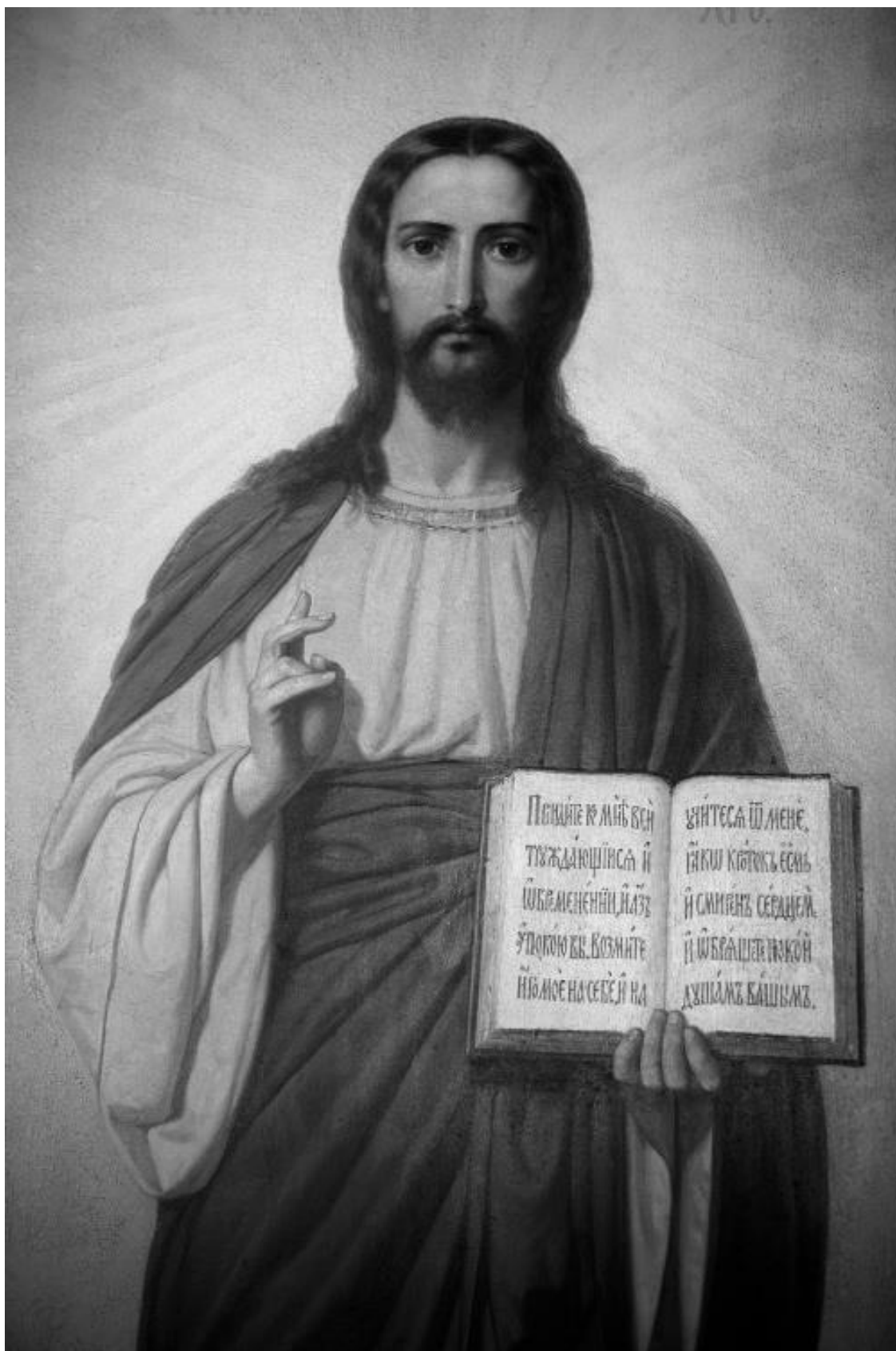
порицания. А все-таки я обращаюсь к ним с такою маленькою просьбой: если, о мужи, вам будет казаться, что мои сыновья, сделавшись взрослыми, больше заботятся о деньгах или еще о чем-нибудь, чем о доблести, отомстите им за это, преследуя их тем же самым, чем и я вас преследовал; и если они будут много о себе думать, будучи ничем, укоряйте их так же, как и я вас укорял, за то, что они не заботятся о должном и воображают о себе невесть что, между тем как на самом деле ничтожны. И, делая это, вы накажете по справедливости не только моих сыновей, но и меня самого. Но вот уже время идти отсюда, мне – чтобы умереть, вам – чтобы жить, а кто из нас идет на лучшее, это ни для кого не ясно, кроме бога.

Иисус Христос Нагорная проповедь

Галилея, ок. 30 года

Иисус Христос – центральная личность в христианском учении, где считается мессией, чье появление было предсказано в Ветхом Завете. Принес себя в жертву, чтобы искупить грехи всех людей. Свидетельства о жизни и деяниях Христа приведены в книгах Нового Завета и у некоторых нехристианских авторов. Согласно Символу веры Иисус Христос является Богом, воплощенным в человеческую плоть, который после физической смерти воскрес и вознесся на небеса. Он должен вернуться на землю вторично, чтобы судить живых и мертвых.

Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам

Согласно первой книге Нового Завета – Евангелию от Матфея, Иисус Христос произнес Нагорную проповедь в 30 году. Иисус взошел на холм близ

Капернаума в Галилее и обратился к своим ученикам и народу, пришедшему послушать его и исцелиться.

За год до этого Иисус, приняв крещение и проведя сорок дней в уединении в пустыне, чтобы подготовиться к исполнению своей миссии, начал проповедовать новое учение, основными постулатами которого были любовь к Богу и ко всем людям. Он путешествовал по Галилее, рассказывая о Царстве Божием и о том, как человеку следует готовиться к его наступлению. Проповедуя, Иисус говорил не от своего имени, а от имени Отца Небесного, пославшего его на землю для спасения всех людей. Свои слова он подтверждал чудесами, которые не могли быть совершены иначе как по воле Божией, и знамениями, указывающими на то, что он мессия, чей приход был предсказан в Ветхом Завете. У него появились последователи, ходившие вместе с ним из города в город и старавшиеся следовать его заветам.

Ночь накануне проповеди Христос провел в уединении и молитве. Утром он призвал к себе учеников, избрал из них двенадцать и назвал их апостолами (посланниками), которые должны будут идти в мир и нести людям его учение. Он дал им власть исцелять болезни и изгонять бесов. После этого он вместе с апостолами сошел на равнину и исцелил собравшихся там людей исходящей от него силой.

Когда все жаждущие были исцелены, Иисус поднялся на возвышение, где сел в окружении учеников и народа, и произнес проповедь, получившую название Нагорной. Он изложил главные принципы христианского учения и расширил толкование Десяти заповедей, данных Моисеем в Ветхом Завете.

Проповедь Христа состоит из нескольких частей. Первая из них, Заповеди блаженства, поясняет, какими качествами должны обладать люди, чтобы достичь Царства Небесного – единственной достойной цели и единственного места, где человек может обрести истинное счастье. Далее следуют притчи о соли земли и свете неба и объяснение ветхозаветных заповедей. Законы Моисея наполняются более глубоким смыслом, способствующим духовному возрождению и приближению к Богу. Иисус призывает не только не совершать дурных поступков, но и не помышлять о них.

Во второй части проповеди содержится самая известная христианская молитва «Отче наш». Заканчивая поучение, Иисус предостерегает своих последователей против лжепророков и рассказывает притчу о благоразумном строителе.

Впоследствии Нагорная проповедь исследовалась и толковалась учителями церкви и святыми отцами. Один из вопросов, вызывающих разногласия между разными течениями христианства, заключается в том, насколько буквально обычный человек должен исполнять сформулированные в проповеди постулаты. Самое распространенное мнение: Иисус предложил слушателям не прямые инструкции, обязательные к безупречному выполнению, а основные принципы в образной форме. Существует и теория двойственного толкования, которая гласит, что в проповеди есть и общие положения – для всех христиан, и частные случаи, обязательные лишь для тех, кто полностью посвятил себя служению Богу.

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас»

Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на попрание людям. Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного.

«Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас»

Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное. Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной. Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой. Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта. Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует. Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои. А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого. Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся. Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

«Когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди»

И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прощения у Него. Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь. Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших. Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше. Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма? Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и мамоне. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры! Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы.

«Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный»

Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего», а вот, в твоём глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.

«Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный»

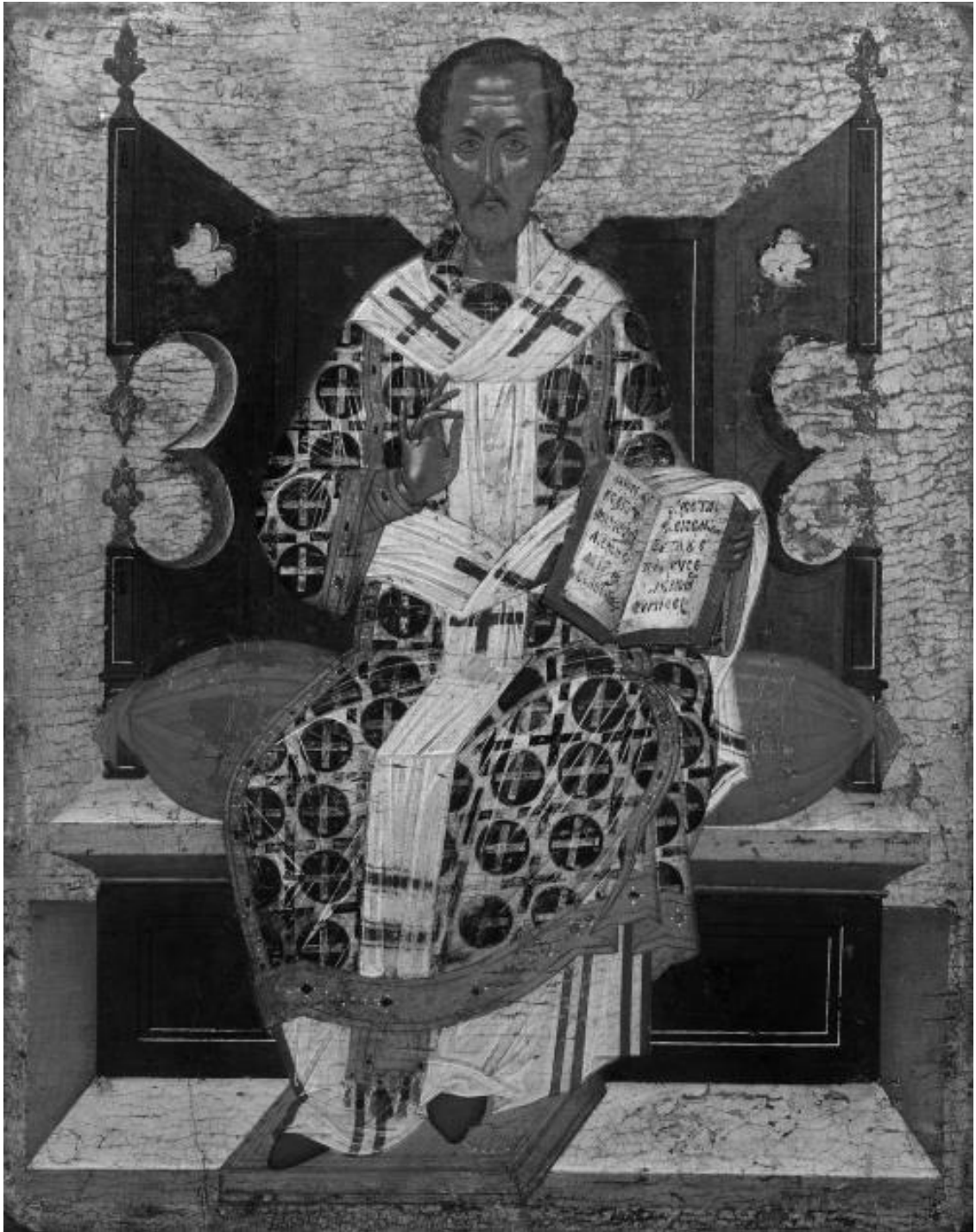
Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас. Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него. Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки. Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их. Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак по плодам их узнаете их. Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие. Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот и он упал, и было падение его великое.

«Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними»

Иоанн Златоуст О смысле богатства и бедности

Антиохия, 388 год

Иоанн Златоуст (347–407), богослов, архиепископ Константинополя, почитается Христианской церковью как один из трех Вселенских святителей. Создал множество богословских творений, в том числе толкования книг Священного Писания, беседы на отдельные тексты из Библии, поучения к праздникам, апологетические слова и похвалы святых. Когда по настоянию императрицы его изгнали из Константинополя, в городе произошло землетрясение. Умер Иоанн во время трехмесячного пешего перехода из одного места изгнания в другое.

Надеюсь, что слово, постоянно действуя на ваши души, расторгнет облако печали

Город Антиохия, где родился и начинал служение Иоанн благочестивый, прозванный за свое красноречие Златоустом, считается колыбелью христианского богословия. Именно здесь последователей Христа впервые начали называть христианами. В конце III века здесь была основана знаменитая Антиохийская школа богословия, к которой принадлежал Иоанн. Антиохийцы, в отличие от последователей других школ, стояли за непосредственное и буквальное восприятие текстов Священного Писания, без аллегорических толкований, а для христианина главным считали твердое нравственное мировоззрение.

Епископ Антиохийский, впоследствии архиепископ Константинопольский, Иоанн почитался как праведник при жизни, а после смерти ряд христианских церквей признали его святым. С юных лет он старался постигнуть премудрость Священного Писания, учился у лучших философов, ораторов и богословов своего времени. Приняв монашество, четыре года провел в пустыне, в уединении и молитве, половину этого времени соблюдал обет молчания, стремясь приблизиться к Богу.

Когда он стал архиепископом Константинопольским, первое, что сделал, – потратил средства, предназначавшиеся ему как обладателю почетного титула, на строительство больниц для бедных и гостиницы для паломников. Был втянут в конфликт с императорским двором: жена императора Аркадия сочла себя оскорбленной проповедью о суетных женщинах и добилась изгнания Иоанна. Последние годы Златоуст провел в Армении и Грузии, где подвергался жестоким гонениям.

Иоанн Златоуст произнес знаменитые Беседы к антиохийскому народу о статуях в 388 году. Причиной, побудившей его обратиться к согражданам, стал страшный мятеж, произошедший в городе, в результате которого восставшая чернь разрушила статуи императора Феодосия Великого. Первая беседа была произнесена накануне мятежа, вторая – сразу после. Всего существует двадцать одна беседа Иоанна Златоуста, посвященная этому нелегкому для Антиохии времени.

Во второй беседе Иоанн оплакивает бедствие, произошедшее в городе, сожалеет о том, что тихий и кроткий народ расвирипел и натворил безумств. Он сравнивает Антиохию с крепостью, осажденной врагом, где никто не чувствует себя в безопасности и все исполнены печали. Златоуст предлагает в этом великом несчастье искать утешения у Бога, который, увидев, что жители города как истинные христиане не теряют благодушия, совершит перемены к лучшему.

Проповедник напоминает, что он предупреждал горожан об ужасных последствиях, неминуемых, если они не вразумят и не накажут бесчинствующих богохульников. Так и случилось. Теперь все терпят наказание за беспечность, так как нельзя оскорблять Бога или попустительствовать этому. Златоуст выражает уверенность, что все усвоили урок и больше не допустят святотатственных слов и действий.

От злободневных проблем Иоанн переходит к обычному еженедельному наставлению христианам. Его проповедь посвящена истинному богатству, которое следует копить в своей душе, а не в сундуках. Простая, непритязательная жизнь, посвященная служению Богу и подготовке к переходу в Царствие небесное, – вот идеал для каждого верного последователя Христа, по мнению Иоанна.

Что мне сказать и о чем говорить? Теперь время слез, а не слов; рыданий, а не речей; молитвы, а не проповеди. Так тяжко преступление, так неизлечима рана, так велика язва: она выше всякого врачевства и требует высшей помощи. Так и Иов, лишись всего, сидел на гноище, и услышав об этом, друзья пришли и, увидев его издали, разодрали одежды, посыпали себя пеплом и сильно восстенали. То же и теперь надлежало бы сделать всем окрестным городам, – прийти к вашему городу и с полным участием оплакать случившееся. Тогда Иов сидел на гноище; ныне наш город сидит в великой сети. Тогда дьявол напал на стада, на рогатый скот и на все достояние праведника: теперь он излил свое неистовство на целый город. Впрочем, и тогда и теперь попустил это Бог: тогда для того, чтобы тяжкими испытаниями более прославить праведника; теперь для того, чтобы этим чрезмерными бедствием сделать нас более смиренными. Дайте мне оплакать настоящее. Семь дней молчал я, как друзья Иова: дайте мне теперь открыть уста и оплакать это общее бедствие. Кто пожелал зла нам, возлюбленные? Кто поза-

видовал нам? Откуда такая перемена? Ничего не было славнее нашего города; теперь ничего не стало жалче его.

«Нет ничего любезнее родины»

Народ, столь тихий и кроткий и, подобно ручному и смиренному коню, всегда покорный рукам правителей, теперь вдруг расสวิрепел и натворил таких бедствий, о которых и говорить непристойно. Плачу и рыдаю теперь – не о великости угрожающего наказания, а о крайнем безрассудстве соделанного. Если царь и не оскорбится, и не разгневается, не накажет нас и не предаст мучениям: то, скажи мне, как мы перенесем стыд от наших дел? От плача прерывается моя беседа; едва могу открыть уста, двигать языком и произносить слова: тяжкая печаль, как узда, удерживает мой язык и останавливает слова. Ничего не было прежде счастливее нашего города; теперь нет ничего горестнее его. Жители его, как пчелы, жужжащие около улья, каждый день толпились на площади, и все доселе почитали нас счастливыми за такое многолюдство. Но вот теперь этот улей опустел; потому что как пчел разгоняет дым, так и нас разгоняет страх. И что сказал пророк оплакивая Иерусалим, то же и нам прилично сказать теперь: город наш стал, «как дуб, которого лист опал, и как сад, в котором нет воды» (Ис. 1:30). В неорошаемом саду торчат деревья без листьев и плодов; таков стал теперь и наш город: как оставила его помощь Всевышнего, он опустел и лишился почти всех жителей. Нет ничего любезнее родины; но теперь нет ничего горестнее ее. Все бегут из родного города, как из сети; оставляют его, как пропасть, выскакивают, как из огня. Как от дома, объятого пламенем, с великого поспешностью бегут не только живущие в нем, но и все соседи, стараясь спасти хоть нагое тело; так и теперь, когда гнев царя, подобно огню, угрожает упасть сверху, каждый спешит удалиться и спасти хоть нагое тело, прежде чем этот огонь, идя своим путем, не дойдет и до него. Наше бедствие стало загадкой: без врагов бегство; без сражения переселение; без пленения плен! Не видали мы огня варварского; не видали и лица врагов: а терпим то же, что плененные. Все знают теперь о нашем бедствии, потому что, принимая к себе наших беглецов, слышат от них о поражении нашего города.

Но я не стыжусь этого и не краснею. Пусть знают все о злополучии нашего города, для того, чтобы, сострадая матери, вознесли общий от всей земли голос к Богу и единодушно умолили Царя небесного о спасении общей всем им матери и питательницы. Недавно наш город подвергся землетрясению, а теперь сотрясаются самые души жителей; тогда колебались основания домов, теперь содрогается у каждого самое основание сердца. Все мы каждый день видим смерть пред глазами, живем в непрестанном страхе и терпим наказание Каиново, страдающая более, нежели заключенные в темнице, и выдерживая осаду необыкновенную и новую, ужаснее которой и вообразить нельзя. Выдерживающие осаду от врагов бывают заключены только внутри городских стен, а для нас и площадь сделалась недоступною и каждый заключен в стенах своего дома. И как для осажденных не безопасно выйти за городскую стену, по причине окружающих ее врагов; так для многих из жителей нашего города не безопасно выйти из дома и явиться на площади, потому что везде ловят виновных и невинных хватают среди площади и влекут в суд без всякого разбора. Поэтому господа, вместе с слугами своими, сидят в домах своих, как связанные. Кто схвачен? Кто посажен в темницу? Кто сегодня наказан? Как и каким образом? Вот о чем только и выведывают и спрашивают они у всякого, у кого только можно узнать безопасно. Они влачат жизнь, которая жалче всякой смерти: принуждены каждый день оплакивать чужие бедствия, трепещут за собственную безопасность и ничем не лучше мертвых, потому что сами давно умерли от страха. А если бы кто, не имея этого страха и беспокойства, и захотел выйти на площадь, то печальный вид ее тотчас прогнал бы его домой: он увидел бы, что там, где за несколько дней пред тем людей было более, нежели волн в реке, бродит один, много два человека, и то с поникшим лицом и в глубоком унынии. Теперь все прежнее многолюдство исчезло. Неприятен вид леса, в котором вырублено мно-

жество деревьев, или вид головы, во многих местах лишенной волос: так и наш город, когда меньше стало в нем людей и только немногие появляются там и здесь, сделался скучным и на всех, кто ни посмотрит на него, наводит густую мглу скорби. И не только город – самый воздух и даже светлый круг солнца, кажется, теперь помрачился скорбью и сделался темнее, не потому, чтобы изменилось свойство стихий, но потому, что наши глаза, омраченные мглой печали, не могут ясно и с прежнею легкостью принимать свет солнечных лучей.

Теперь сбылось, что некогда оплакивал пророк: для них настал «закат солнца в полдень» и мрак «среди светлого дня» (Ам. 8:9). А это сказал он не потому, чтобы в самом деле скрылось солнце и померк день, но потому, что скорбящие, по причине мрака печали, не могут видеть света даже в полдень. Что и случилось теперь: куда бы кто ни посмотрел, на землю ли, на стены ли, на столпы ли города, или на своих ближних, везде он, кажется, видит ночь и глубокий мрак.

«Предайте же мне ваши души, преклоните на некоторое время ваш слух; отбросьте печаль; возвратимся к прежнему обычаю; и как привыкли мы всегда быть здесь с благодушием, так сделаем и теперь, возложив все на Бога»

Так все исполнено печали! Везде страшное безмолвие и пустота; исчез приятный шум многолюдства; город так безмолвен, как будто все жители его скрылись под землею; все стали похожи на камни; уста, связанные бедствием, как оковами, хранят такую глубокую тишину, как будто напали враги и сразу истребили всех огнем и мечом. Прилично теперь сказать: «позовите плакальщиц, чтобы они пришли; пошлите за искусницами в этом деле, чтобы они пришли. Пусть они поспешат и поднимут плач о нас, чтобы из глаз наших лились слезы, и с ресниц наших текла вода» (Иер. 9:17). Плачьте, холмы, и рыдайте, горы. Призовем всю тварь сострадать нашим бедствиям. Город столь великий, глава восточных городов, находится в опасности быть изглаженным с лица вселенной; имевший много чад, теперь вдруг сделался бесчадным и некому помочь, потому что оскорблен тот, кому нет равного на земле; он – царь, вождь и глава всех живущих на земле. И потому прибегнем к Царю небесному; Его призовем на помощь: если не получим милости свыше, то нам не останется никакого утешения в бедствии.

«Для меня будет похвалой то, если вы своими делами оправдаете все мои слова»

Я хотел было на этом и окончить слово, потому что души скорбящие не любят продолжительных речей. Как черная туча, став на пути солнечных лучей, преграждает весь блеск их, так и облако печали, когда станет перед нашею душой, не дает свободного прохода слову, но подавляет его и с великим усилием удерживает внутри. И это бывает не только с проповедниками, но и с слушателями, потому что печаль как не позволяет слову свободно изливаться из души говорящего, так не дает ему упадать, с свойственною ему силою, и на сердца слушателей. И иудеи, удрученные «глиною и кирпичами» (Исх. 1:14), не могли слушать Моисея, когда он часто и много говорил им об их избавлении (Исх. 6:9), потому что печаль преграждала слову путь к их душе и закрывала у них слух. Поэтому и я хотел окончить здесь слово: но подумал, что облако не всегда только пресекает путь солнечным лучам, а часто и само подвергается от него действию, так как солнце, постоянно усиливающейся теплотою своею разрежая облако, часто разрывает его в самой середине, и тогда, вдруг просияв, во всем свете предстает пред наши взоры. Это же и я надеюсь сделать сегодня; надеюсь, что слово, постоянно действуя на ваши души и долго пребывая в них, расторгнет облако печали и осветит ваши мысли обычным наставлением. Предайте же мне ваши души, преклоните на некоторое время ваш слух; отбросьте печаль; возвратимся к прежнему обычаю; и как привыкли мы всегда быть здесь с благодушием, так сделаем и теперь, возложив все на Бога. Это послужит нам и к прекращению бедствия, потому что когда Он увидит, что мы со вниманием слушаем Его слово и в самое

бедственное время не оставляем любомудрия, то скоро подаст нам помощь, совершит благую перемену и утишит настоящую бурю.

Христианин должен и тем отличаться от неверных, чтобы все переносить благодушно, и, окрыляясь надеждою на будущее воспарять на высоту, недостижимую для человеческих бедствий. На скале стоит верный, и потому не доступен ударам волн. Пусть воздымаются волны испытаний: они не достигнут до его ног; он стоит выше всякого такого навета. Не упадем же духом, возлюбленные! Не столько мы сами заботимся о своем спасении, сколько сотворивший нас Бог; не столько мы печемся, чтобы не потерпеть какого-либо бедствия, сколько Тот, кто даровал нам душу и затем еще дает такое множество благ. Окрылим себя такою надеждою и с обычною ревностью выслушаем, что будет сказано. Недавно предлагал я вашей любви пространный беседу – и видел, что все следовали за мною и никто не воротился с половины дороги. Благодарю вас за такое усердие; в нем получил я награду за труды. Но тогда же просил я у вас еще и другой награды; вы, думаю, знаете это и помните. Какой же награды? – Наказать и вразумить богохульников, находящихся в нашем городе, обуздать оскорбляющих Бога и бесчинствующих. Не думаю, чтобы я сказал тогда это от себя; но сам Бог, предвидящий будущее, вложил в мою душу такие слова, и если бы мы наказали тех, которые так дерзко поступали, – теперь не случилось бы того, что случилось. Если уже надобно было подвергаться опасности, то не лучше ли было потерпеть что-нибудь, вразумляя и обуздывая этих людей (что принесло бы нам и венец мученичества), – нежели теперь бояться, трепетать и ожидать смерти из-за их бесчинства? Вот преступление сделано немногими, а вина пала на всех. Вот все мы из-за них теперь в страхе, и за причиненное ими буйство сами терпим наказания. Но если бы мы предварительно изгнали их из города, или вразумили и исцелили больной член, то не подвергались бы настоящему страху. Знаю, что жители нашего города издавна отличаются благородным нравом и что некоторые только пришельцы и бродяги, нечестивцы и злодеи, отчаявшиеся в своем спасении, решились на такую дерзость. Поэтому я непрестанно взывал к вам и настаивал; укротим неистовство богохульников, образумим их, позаботимся об их спасении, хотя бы это стоило нам жизни; великую награду принесет нам такой подвиг; не допустим, чтобы нанесено было оскорбление общему Владыке; городу приключится великое несчастье, если мы оставим это без внимания.

Так я предсказывал, так и случилось теперь, и мы за эту беспечность терпим наказание. Ты не обратил внимания на то, что оскорбляешь Бога, – и вот Он попустил, чтобы нанесено было оскорбление царю, и чтобы всем нам угрожала крайняя опасность, и таким образом в настоящем страхе мы получили наказание за свое нерадение. Неужели напрасно и без причины я предсказывал и постоянно тревожил вашу любовь? И однако ж успеха не было. По крайней мере теперь пусть будет иначе: умудрившись настоящим бедствием, обуздаем бесчинную наглость этих людей, заградим им уста, заключим, как смертоносные источники, и обратим в противную сторону: тогда прекратятся бедствия, постигшие город.

«Истинное богатство и изобилие состоит в благах совершенных и не подверженных никакой перемене»

Церковь – не зрелище, чтобы в ней слушать нам для одного удовольствия; из нее выходить должно с назиданием, с каким-нибудь важным приобретением; вот как должно выходить отсюда! Напрасно и попусту приходим сюда, если только на время получив наставление, выйдем без всякой от него пользы. Что мне за польза от этих рукоплесканий? Что – в похвалах и кликах? Для меня будет похвалой то, если вы своими делами оправдаете все мои слова. Тогда я счастлив и блажен, когда вы с полным усердием будете не принимать только, но исполнять все, что услышите от меня. Пусть каждый исправляет своего ближнего, потому что сказано:

«назидайте один другого» (1 Сол. 5:11). Если же мы не станем делать этого, то преступление каждого будет наносить общий и тяжкий вред всему городу. Вот и теперь, хотя мы и не принимали участия в преступлении дерзких людей, однако же не менее их поражены страхом, и трепещем, чтобы всех нас не постиг гнев царя. И нам нельзя сказать в извинение: я не был при этом, не знал, не участвовал. За это-то самое, говорят, ты и должен быть наказан и осужден по всей строгости, что ты не был при том, не воспрепятствовал, не удержал бесчинных, не подверг себя опасности за честь царя. Ты не участвовал в дерзости виновных? – Хвалю это и одобряю; но ты не воспрепятствовал тому, что случилось, а это достойно осуждения. Такие же слова мы услышим и от Бога, если будем молчать в то время, когда против Него раздаются хулы и поношения. Закопавший талант осужден на за то, что умалил его, потому что он возвратил вверенные деньги в целостности, а за то, что не увеличил его, – не научил других; что не отдал серебра купцам, то есть не наставил, не посоветовал, не удержал, не исправил своих ближних – бесчинных грешников: вот за что он без всякой пощады предан тяжкому наказанию! (Мф. 25:25–30). Но если не прежде, то по крайней мере теперь вы позаботитесь – я твердо уверен – о таком исправлении и не допустите, чтобы Бог подвергнулся оскорблению. Если бы к этому и никто не убеждал, то уже случившееся достаточно может убедить самых бесчувственных позаботиться о своем спасении. Но уже время мне предложить вам обычную трапезу из слов Павла; и мы возьмем и предложим всем ныне чтенное изречение. Что же сегодня было читано? «Богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали о себе» (1 Тим. 6:17). Скажав: «Богатых в настоящем веке», он показал, что есть и другие богатые – будущего века. Таков был Лазарь, нищий в настоящей жизни и богатый в будущей – богатый не золотом, серебром и тому подобными гибнущими и преходящими вещами, но теми неизреченными благами, которых «не видел... глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку» (1 Кор. 2:9).

В самом деле, истинное богатство и изобилие состоит в благах совершенных и не подверженных никакой перемене. Но не так был богат презревший Лазаря: напротив, он стал беднее всех, так что впоследствии просил капли воды, но и ее не мог получить: до такого крайнего дошел убожества!

«Не вино – зло, а пьянство, не богатство – зло, а любостязание и сребролюбие»

Апостол для того назвал их богатыми в «настоящем веке», чтобы ты знал, что здешнее изобилие оканчивается с настоящего жизнью к не простирается далее, не переходит в другую жизнь вместе с своими обладателями, но часто оставляет их еще прежде смерти. На это самое и он указывает, говоря: «и уповали не на богатство неверное» (1 Тим. 6:17). Подлинно, – как уже часто говорил я и не перестану говорить, – нет ничего столь ненадежного, как богатство: это – беглец неблагодарный, раб неверный; наложи на него тысячу цепей, – он уйдет и с цепями. Владельцы часто запирали его замками, затворяли дверями и приставляли к нему стражу из рабов; но оно, обольстив самых рабов, убегало вместе с своими стражами, увлекая их с собою, как цепь, и таким образом самая стража ни к чему не служила. Что же может быть ненадежнее богатства? Что жалче тех, которые так заботятся о нем? Они всеми силами стараются собирать то, что так скоро гибнет и исчезает, и не слушают, что говорит пророк: горе вам, «надеющиеся на силы свои и хвелящиеся множеством богатства своего» (Пс. 48:7). Почему же, скажи, горе? «Собирает, – говорит он, – и не знает, кому достанется то» (Пс. 38:7): труд несомненен, а наслаждение ненадежно. Часто ты трудишься и мучишь себя для врагов; часто, после твоей смерти, твое достояние переходит к тем, которые наносили тебе обиды и строили тысячи козней, и вот тебе достались одни грехи, а наслаждение другим!

«Хочешь быть богатым? Не будь высокомерен; это полезно для жизни не только будущей, но и настоящей»

Но надобно рассмотреть и то, почему апостол не сказал: «богатым в настоящем веке» заповедывай не обогащаться, заповедывай обнищать, заповедывай растратить имение, а сказал: «увещевай, чтобы они не высоко думали о себе». Знал он, что гордость есть корень и основание богатства, и что, кто умнеет жить скромно, тот не станет много заботиться о богатстве. И для чего, скажи мне, ты окружаешь себя множеством рабов, тунейдцев, ласкателей и всеми другими знаками пышности? Конечно, не по нужде, а по одной гордости, чтобы чрез это показаться важнее других людей. Кроме того апостол знал, что богатство не запрещено, если кто употребляет его для своих нужд. Не вино – зло, как уже говорил я, а пьянство: так точно не богатство – зло, а любостяжание и сребролюбие. Иное дело сребролюбец, и иное – богач. Сребролюбец не есть богач; сребролюбец во многом нуждается, а нуждающийся во многом никогда не может быть богатым. Сребролюбец есть страж своего имения, а не владелец; раб, а не господин. Для него легче отдать кому-либо часть своего тела, нежели уделить скольконибудь из закопанного золота. Он с такою заботливостью хранит свое сокровище, как будто ему строго запретил кто даже дотрагиваться до этого клада, и бережет свое, как чужое. И в самом деле, это – чужое; потому что как может он считать своим то, чего никак не решится разделить с другими и дать бедным, хотя бы потерпел тысячу наказаний? Какой же это владелец имущества, когда не употребляет его и не пользуется им? К тому же апостол не всем все заповедует, но снисходит к немощи слушателей, как и Христос делал. Тому богачу, который пришел и беседовал с Ним о жизни вечной, не сказал Он: «пойди, продай имение твое» (Мф. 19:21); но, оставив это, говорил ему о других заповедях. Потом, когда тот спросил Его: «чего еще недостает мне?» (Мф. 19:20), и тогда не просто сказал: «продай имение твое», но – «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое»: предоставляю это твоему произволению, даю тебе власть самому решить, не ставлю тебя в необходимость. Поэтому и Павел говорил богачам не о бедности, но о смиренномудрии, – как по немощи слушателей, так и потому, что знал совершенно, что скромность скоро заставит их отказаться от гордости и заботы о богатстве. Заповедав не высоко думать о себе, он научил и тому, каким образом могут они не высоко думать о себе. Каким же это образом? – Если узнают свойство богатства, – как оно ненадежно и неверно. Поэтому он и сказал далее: «и уповали не на богатство неверное» (1 Тим. 6:17). Богат не тот, кто приобрел много, но тот, кто много раздал. Авраам был богат, но не был сребролюбив; потому что не заглядывал в чужой дом, не любопытствовал о чужом имении, но, выходя (из своего дома), смотрел, нет ли где странника, нет ли где нищего, чтобы помочь нищете и принять путника. Не под золотым кровом жил он, но, поставив кушу у дуба, довольствовался тенью листьев: и жилище его было столь великолепно, что даже ангелы не стыдились остановиться у него, потому что искали не дома великолепного, но души добродетельной. Будем, возлюбленные, и мы подражать Аврааму, и разделим, что есть у нас, с бедными. Жилище у него было самое простое, но оно сделалось блистательней царских дворцов.

Ни один царь никогда не принимал у себя ангелов, а он удостоился такой чести, сидя под дубом и поставив кушу: не за простоту жилища он был почтен, но получил такой дар за красоту души и за сокрытое в ней богатство. Будем же и мы украшать не дома, но, прежде домов, души свои. Да и как не стыдно украшать мрамором стены без нужды и без пользы, и допускать, чтобы Христос ходил среди нас без одежды! Что тебе, человек, в доме? Умирая, разве ты возьмешь его с собою? Нет, не возьмешь; а душу непременно возьмешь. Вот теперь постигла нас такая опасность: пусть же помогут нам дома, пусть избавят нас от грозящей опасности: но они не могут сделать этого! Свидетели тому вы, которые совсем оставляете их и убегаете в пустыню, страшись их, как сетей и западни. Пусть помогают теперь деньги: но они ничего не значат. Если же деньги бессильны и против гнева человеческого, то тем более на божественном и неподкупном суде. Если теперь, когда мы оскорбили и разгневали человека, золото несколько

не помогает нам, то тем более бессильно будет оно, когда разгневется Бог, не имеющий нужды в деньгах.

«Нельзя сказать, что богатый наслаждается лучами солнца более, а бедный менее; нельзя сказать, что богатый более вдыхает воздуха, чем бедный: но все это дано в равной мере всем»

Мы строим дома, чтобы в них жить, а не тщеславиться ими. Все, что сверх нужды, излишне и бесполезно. Надень обувь, которая больше ноги, и она обеспокоит тебя, потому что будет препятствовать тебе идти: так и дом, более обширный, чем нужно, препятствует идти к небу. Ты хочешь строить великолепные, обширные дома? Не запрещаю, только строй не на земле; построй обители на небесах, в которых бы мог ты и других принять, – обители, которые никогда не разрушатся. Почему ты с таким неистовством гонишься за тем, что убегает и остается здесь? Нет ничего обманчивее богатства; оно сегодня с тобою, а завтра против тебя; оно со всех сторон вооружает против тебя завистливые глаза; это неприятель, живущий под одним с тобою кровом; это враг домашний. Свидетели этому вы, которые владеете им и всячески зарываете и скрываете его: и ныне именно богатство и увеличивает для нас тяжесть бедствия. Ты видишь, как легки, ничем не связаны и на все готовы бедные, и как, напротив, богатые испытывают множество затруднений, ходят туда и сюда, и ищут, где бы скрыть свое золото, ищут, у кого бы его положить. Зачем ищешь, человек, подобных тебе рабов? Вот Христос готов принять и сохранить, что ты ни вверишь Ему, и не только сохранить, но и умножить и возвратить с большею прибылью! Из Его руки никто не похитит; Он не только сберегает вверенное Ему, но и освобождает тебя от неразлучных с этим беспокойств. Люди, приняв на сохранение наше богатство, думают, что оказали нам услугу, если сберегают принятое: Христос, напротив, говорит, что когда принял Он от тебя богатство, то не Он тебе, но ты Ему оказал услугу, и за свою заботливость, с какою Он сохраняет твоё сокровище, не требует от тебя награды, но сам награждает тебя.

Итак, какого заслуживаем мы извинения, какого прощения, когда оставляем Того, Кто и может сохранить наше достоинство, и за сохранение умеет быть благодарным, и воздает неизреченные и великие награды; а вручаем свою собственность слабым блюстителям – людям, которые думают, что этим оказывают нам услугу, и возвращают нам впоследствии только то, что получили от нас? Ты здесь странник и пришлец; твоё отечество на небесах: переложи туда все, чтобы еще прежде тамошнего наслаждения и здесь получить награду. Кто питается благими надеждами и с уверенностью ожидает будущего, тот уже и здесь вкусил царства небесного; потому что ничто столько не улаживает и не усовершенствует душу, как благая надежда на будущее, – если то есть туда переложишь ты своё богатство и с надлежащим усердием позаботишься о собственной душе. Заботящиеся только об украшении своего дома, богатые только внешними благами, не радят о внутренних благах и не обращают внимания на то, что душа их пуста, нечиста и покрыта паутиной. Но если, презрев внешнее, они всю свою заботливость обратят на душу свою и будут украшать ее со всех сторон: душа таких людей сделается жилищем Христовым. А что может быть блаженнее того, в ком живет Христос? Хочешь ли быть богатым? Найди себе друга в Боге, и будешь богаче всех. Хочешь быть богатым? Не будь высокомерен; это полезно для жизни не только будущей, но и настоящей. Ничто так не возбуждает зависти, как человек богатый; а если еще присоединится гордость, то двойная пропасть открывается пред ним, и все объявляют ему жесточайшую войну. Если же ты сумеешь вести себя скромно, то своим смиренным умением отнимешь силу у зависти, и безопасно будешь владеть своим имуществом. Таково свойство добродетели, что она не только полезна нам для будущего, но и здесь доставляет уже награду. Не будем же гордиться богатством и ничем другим. Если падает и погибает надмевающийся духовными совершенствами, то тем более – телесными. Подумаем

о своей природе, поразмыслим о своих грехах, познаем, кто мы, и это будет для нас достаточным побуждением к смиренномудрию. Не говори мне: «У меня лежат доходы, собранные во столько-то и столько лет, – тысячи талантов золота, прибыли, возрастающие с каждым днем».

Все, что ты ни скажешь, скажешь напрасно и попусту. Часто все это улетает из дому в один час и в краткое мгновение времени, подобно тому, как легкий прах поднимается вверх от дуновения ветра. Таких примеров полна жизнь ваша, и Писание наполнено учением об этом. Сегодня богат, завтра беден. Поэтому я часто смеялся, читая в завещаниях: «такой-то пусть владеет полями, или домом, а другой пусть ими пользуется». Все мы пользуемся, а владеть никто не может; потому что если бы богатство и оставалось при нас во всю жизнь, не испытал никакой перемены, то при смерти, волею или неволею, мы уступим его другим, и таким образом только попользовавшись им, отойдем в ту жизнь, потеряв над ним всякую власть. Отсюда видно, что только те владеют богатством, которые и употреблением его не дорожат и наслаждение им презирают. Кто отказался от своего имущества и раздал его нищим, тот воспользовался им, как должно, и сохранит власть над ним при переходе и в другую жизнь; и не только не лишится своего стяжания во время самой смерти, но всё, и даже гораздо больше получит тогда, когда особенно нужна будет помощь – в день суда, когда все мы должны будем дать отчет в своих делах.

Итак, кто хочет и приобрести богатство, и пользоваться и владеть им, тот пусть откажется от всего имения; так как не сделавший этого неминуемо оставит его во время смерти, а часто еще и прежде смерти потеряет среди бесчисленных опасностей и бедствий. И тяжело не только то, что такая перемена происходит вдруг, но и то еще, что богачу приходится терпеть нищету, не приготовившись к ней. Не такова участь бедного. Он «уповает» не на золото и серебро, эти бездушные вещества, «но на Бога... дающего... нам все обильно» (1 Тим. 6:17). Таким образом, состояние богатого более сомнительно, нежели бедного, потому что оно подвержено частым и разнообразным переменам. Что же значат слова: «дающего нам все обильно для наслаждения»? Бог в изобилии нам подает все, что гораздо нужнее денег, как то: воздух, воду, огонь, солнце и все подобное. Нельзя сказать, что богатый наслаждается лучами солнца более, а бедный менее; нельзя сказать, что богатый более вдыхает воздуха, чем бедный: но все это дано в равной мере всем. Для чего же Бог сделал общим то, что важнее и необходимее, от чего зависит наша жизнь; а то, что маловажное и ничтожнее, не составляет общей собственности, – разумею деньги? Для чего? – Чтобы жизнь наша была обеспечена и мы имели поприще для добродетели. В самом деле, если бы необходимое не было общим, быть может богатые, но обычному любостыжанию, подавили бы бедных; потому что, если они это делают в отношении денег, то чего не сделали бы в отношении тех благ. Опять, если бы и деньги были общими и всем равно принадлежали, не было бы случая к милостыне и повода к благотворительности.

Итак, чтобы нам можно было жить безопасно, для этого общим у нас сделано все, от чего зависит наша жизнь; а чтобы нам иметь случай заслужить венцы и похвалы, для этого деньги не сделаны общими, – дабы мы, отвращаясь любостыжания и любя правду и раздавая свое имяние нуждающимся, могли таким способом получать некоторое облегчение в своих грехах. Бог сделал тебя богатым: зачем же ты сам делаешь себя бедным? Бог сделал тебя богатым для того, чтобы ты помогал нуждающимся, чтобы своею щедростью к другим искупал собственные грехи; дал тебе богатство не для того, чтобы ты запер его на свою погибель, но чтобы расточил для своего спасения. Для того Он и самое обладание богатством сделал ненадежным, чтобы и чрез это самое ослабить безумную страсть к нему. Если владеющие богатством и теперь, когда не могут положиться на него, а, напротив, видят, что оно порождает множество опасностей, воспаляются такою страстью к нему: то кого бы они пощадили, если бы еще богатство имело и эти качества – постоянство и неизменность? Кого бы не коснулись? Какой вдовы, каких

сирот, каких убогих? Посему не будем почитать богатство великим благом: великое благо – не деньги нажить, но стяжать страх Божий и благочестие.

«Удовольствие на пирах зависит обыкновенно не от свойства яств, но от расположения пирующих»

Вот теперь, если бы среди нас был праведник, имеющий великое дерзновение к Богу: он хотя бы был беднее всех людей, мог бы прекратить настоящие бедствия; довольно было бы только ему воздеть руки к небу и призвать Бога, и туча прошла бы. А между тем у нас лежит столько золота, и оно меньше всякой грязи способно прекратить постигшее нас бедствие! И не только в настоящей опасности – но и тогда, когда постигает нас болезнь, или смерть, или другое что-нибудь подобное, обнаруживается, как ничтожна сила денег и как они не могут сами по себе доставить нам никакого утешения в несчастье. Одним только богатство, по-видимому, превосходит бедность – тем, что дает возможность каждый день веселиться и вкушать много удовольствий на пирах. Но это случается видеть и за столом бедных; они наслаждаются даже с большим удовольствием, чем все богатые. Не изумляйтесь и не почитайте странностью слова мои; я объясню это вам свидетельствами самого опыта. Все вы, конечно, знаете, и согласны в том, что удовольствие на пирах зависит обыкновенно не от свойства яств, но от расположения пирующих. Например: кто садится за стол проголодавшись, для того и самая простая пища будет приятнее всяких приправ, сладостей и разных лакомств. Напротив, кто идет к столу, не имея потребности в пище и предупреждая чувство голода, как это делают богатые, тот, хотя бы нашел на столе самые любимые кушанья не почувствует удовольствия, потому что в нем еще не пробудился позыв на пищу. Что это действительно так, тому и вы все свидетели; а вот и Писание говорит то же самое: «Сытая душа попирает и сот, а голодной душе все горькое сладко» (Притч. 27:7). Что может быть слаще сота медового? Но и он, говорит, не доставляет удовольствия тому, кто не голоден. А что неприятнее горького? Но и оно бывает сладко для живущих в нужде. А что бедные приступают в пище не иначе, как почувствовав потребность в ней и голод, богатые же не ожидают такого побуждения, это известно всякому: оттого богатые и не вкушают настоящего и чистого удовольствия. Это самое бывает не только в отношении пищи, но и в отношении питья: как там голод производит удовольствие, независимо от свойства пищи, так и здесь жажда обыкновенно делает питье самым приятным, хотя бы это была простая вода. И на это самое указывает пророк, когда говорит: «и насыщал бы их медом из скалы» (Пс. 80:17).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.